

DOI: 10.31857/S013038640023024-4

© 2023 г. В.Н. Ерохин

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИМАГОЛОГИЯ И ПОНИМАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Рец. на книгу: «СВОИ» / «ДРУГИЕ» / «ЧУЖИЕ»: ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОБОРСТВА ЗАПАДА, ВОСТОКА И РОССИИ / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб.: Алетеия, 2021. 596 с.

Ерохин Владимир Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук Северо-Восточного государственного университета (Магадан, Россия).

E-mail: erohin_vladimir@inbox.ru

Scopus Author ID: 57196034314; ORCID: 0000-0003-4237-5065; Researcher ID: R-5423-2019

V.N. Yerokhin

HISTORICAL IMAGOLGY AND UNDERSTANDING OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS

Rec. ad op.: “OWN” / “OTHERS” / “ALIEN”: FROM THE HISTORY OF INTERACTION AND CONFRONTATION BETWEEN THE WEST, THE EAST AND RUSSIA / ed. T.L. Labutina. Saint-Petersburg: Aletheia, 2021. 596 p.

Vladimir Yerokhin, North-Eastern State University (Magadan, Russia).

E-mail: erohin_vladimir@inbox.ru

Scopus Author ID: 57196034314; ORCID: 0000-0003-4237-5065; Researcher ID: R-5423-2019

Концепты «взаимодействие», «противоборство», «конфронтация» со времен Средневековья характеризовали уровни и формы взаимоотношений между Россией, Западом и Востоком. Именно в процессе межкультурных коммуникаций с Западом и Востоком, принимавших нередко форму военных столкновений, происходило осознание и осмысление россиянами собственной идентичности, а также формирование более глубокого представления о европейских и восточных странах и культурах.

В современном, становящемся все более динамичным мире развитие межкультурных коммуникаций происходит еще более активно и, несмотря на вторжение разного рода трудно предвидимых обстоятельств, вроде пандемии, есть основания предполагать, что глобализационные процессы уже приняли необратимый характер. Достаточно взглянуть на ежедневную информационную картину, чтобы увидеть, что проблемы взаимодействия Запада, Востока и России постоянно находятся в фокусе внимания, занимая значительный объем в новостной ленте. Это свидетельствует об актуальности рассматриваемой в монографии исследовательской повестки как минимум на десятилетия вперед. У тематики данного исследовательского проекта о взаимном восприятии Запада, Востока и России сохраняются широчайшие перспективы.

В работе над анализом взаимоотношений между Западом, Востоком и Россией с использованием концептов «свой», «чужой», «другой» в течение нескольких прошедших лет по инициативе главного научного сотрудника Института всеобщей истории (ИВИ) РАН д.и.н., проф. Т.Л. Лабутиной сложился значительный по численности, при этом в заметной степени постоянный исследовательский коллектив. Рецензируемая коллективная монография является завершающим трудом целой серии, посвященной изучению проблем компаративистики и исторической имагологии¹.

Об актуальности изучения проблематики межкультурной коммуникации в соответствии с избранным ракурсом на основе имагологического подхода свидетельствует также широкий отклик, который данный проект получил в научно-историческом сообществе, что нашло свое выражение в организации и проведении двух представительных научных мероприятий, прошедших в ИВИ РАН: Международный научный гуманитарный форум:

¹ «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и Востока / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2019; «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России (к юбилею Виктора Леонидовича Малькова) / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2020.

от знания к действию (3–4 декабря 2019 г.) и Международная научная конференция «Россия между Западом и Востоком: традиции и перспективы диалога культур» (21–22 октября 2021 г.). Конференций могло быть проведено три, в соответствии с количеством коллективных монографий, если бы не вмешалась в научную жизнь сложная эпидемиологическая обстановка 2020 г.

В ведущих отечественных научно-исторических периодических изданиях опубликованы три рецензии на первые две монографии серии². Так что мы в течение нескольких лет наблюдаем развитие интересного и содержательного научного проекта, привлечшего внимание значительного круга отечественных и зарубежных исследователей, и в живом научном общении во время конференций, и в публикации значительных по объему коллективных монографий. Организаторы данного исследовательского проекта стали первопроходцами в масштабной разработке проблематики, которая несет в себе очевидную значимость не только в научно-академическом, но также и практическом отношении. В то же время проект проходит определенный рубеж в своем развитии, и можно подвести итоги активной трехлетней работы.

В методологической программе, предложенной организаторами проекта, удачно объединен познавательный потенциал двух эвристически продуктивных методологических подходов: историко-сравнительного (компаративного) метода и имагологии. Эти две познавательные традиции не сразу нашли друг друга. Историческая компаративистика как познавательный подход впервые заметно продемонстрировала свой потенциал в середине XIX – начале XX в. в трудах А. де Токвиля, К. Маркса, М. Вебера. Как убедительно и образно подчеркнул в свое время известнейший французский медиевист М. Блок, «в исторических исследованиях нет места автаркии. Изолировавшись, каждый из специалистов сможет что-либо постичь лишь наполовину, даже в собственной области: единственно подлинная история, возможная лишь при взаимопомощи, это всемирная история»³.

² Соколов А.С. В центре внимания – межкультурные коммуникации // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2020. Вып. 72. С. 418–421; Буллер А. Восприятие «другого»/«чужого» в культурном пространстве между Россией и Западом. Рец. на книгу: «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и Востока / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2019 // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 246–250; Смирнова И.Ю. Современная проблематика исторической имагологии в контексте международных отношений. Рец. на книгу: «Свой» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России (к юбилею Виктора Леонидовича Малькова) / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2020 // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 231–235.

³ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 29.

Формирование имагологического подхода в истории европейской мысли, в свою очередь, при исследовании происхождения имагологии связывают с именем итало-французского гуманиста Жюль Сезара (Юлия Цезаря) Скалигера (1484–1558), к которому возводят начало постановки на систематическую основу практики связывания культурных различий с определенными этническими группами. Далее же идейное влияние философии романтизма в начале XIX в. привело к тому, что культурные различия между народами стали рассматриваться не только как дескриптивные по содержанию этнографические феномены, но и как антропологические характеристики, составляющие индивидуальность, идентичность каждого народа. Европейская мысль вышла в своем развитии к формулировке идеи и концепта национального характера⁴.

Трудности с определением национального характера в понятийной форме имели своим следствием то, что соответствующий дискурс строился прежде всего литературно-художественными средствами в рамках сравнительного литературоведения. Явственное сближение разворачивавшихся в сравнительном литературоведении имагологических исследований с исторической наукой стало происходить только в последней четверти XX в., что связано также с влиянием постмодернизма и конструктивистского подхода к пониманию этноса и нации⁵. Понятия «этнос», «нация», «национальный характер» при таком подходе перестали рассматриваться как онтологические, эссенциалистские по статусу и стали пониматься как ментальные конструкции, формируемые в пространстве дискурса. Понятийный конструкт – это не обобщение реальности во всей ее необъятности и сложности, а элемент дискурсивной практики, которая разворачивается в соответствии с интенцией (намерением) говорящего и пишущего. Сам язык исторических источников несет в себе образы, риторические практики, а не овеществленную реальность прошлого во всей ее полноте.

Такое сближение имагологии с конструктивизмом представлено в научной деятельности бельгийского литературоведа-компаративиста Хуго Дизеринка (1927–2020) и его единомышленников на страницах основанного им ежегодника *Studia Imagologica. Amsterdam Studies of Cultural Identity*. Каждый номер этого ежегодника открывается декларированием на первой странице издания методологического кредо группирующихся вокруг него исследователей, которое действительно удачно излагает программу сближения имагологии с исторической наукой: «имагология – это изучение

⁴ Leerssen J. Imagology: History and Method // Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey / eds M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam; New York, 2007. P. 17–18.

⁵ The Invention of Tradition / eds E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983; Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983.

кросс-национальных восприятий и образов... В недавние годы и литературоведческие исследования, и изучение международных отношений (и в политической, и в культурной сферах) приобрели такой поворот, в результате которого имагология стала еще более актуальной, чем ранее. Все в большей и в большей мере подходы, стереотипы и предразсудки, которые определяют литературную деятельность, осознаются и как фактор, влияющий на международные отношения». Ежегодник *Studia Imagologica. Amsterdam Studies of Cultural Identity*, издаваемый с 1995 г., превратился в один из флагманов в развитии исторической имагологии.

Отечественные имагологические исследования первоначально тоже стали активно развиваться именно в области сравнительного литературоведения⁶. Образы «других» могут быть, как обращалось внимание, не только этническими, национальными, но также социальными, гендерными, религиозными и др. Рецепция методологических подходов имагологии развернулась также в области изучения PR-технологий, в культурологии, в исторической науке. В рамках истории имагология стала изучать эволюцию исторически обусловленных образов социально-культурных групп, формирующихся в общественном сознании, и представления участников культурного диалога друг о друге.

В развитии исторической имагологии важно то, какие выводы следуют из ее взаимодействия с конструктивистской методологией в понимании этноса, нации, пола/гендера. Вообще говоря, практически любое понятие является конструктом — это, видимо, доступный человеку способ помыслить о тех или иных социальных реалиях, на что среди отечественных историков обращал внимание, в частности, Н.Е. Копосов⁷. Конструирование не означает произвольности, но подчеркивает то, что конструирующий выводит на первый план. В результате в центре внимания оказываются те или иные компоненты в восприятии изучаемого народа и его культуры в зависимости от интенций (намерений) мыслителя, а попутно проявляются также мировоззренческие

и культурные характеристики той национальной, социально-культурной среды, к которой принадлежит сам. Поэтому те компоненты содержания в характеристике «другого», что акцентируются в тексте, несут уже определенную информацию о том, какие интересы преследует пишущий, а также характеризует ту культуру, к которой автор такого текста принадлежит.

Значение исторической имагологии связано еще с одним важным моментом в межкультурных коммуникациях. Историческое и социальное познание в целом, и в том числе в изучении народами друг друга, по большей части разворачивается не сенсуально, через органы чувств, а через системы понятий и образов, через уже сгенерированные культурой стереотипы, которые несут в себе сознание и мировоззрение участников межкультурной коммуникации, а также используемые исторические источники. В этом отношении следует иметь в виду рассуждения постмодернистов, что через содержание источников надо еще попытаться проварить к самой социальной реальности прошлого.

Анализируемый исследовательский проект, думается, выиграл бы, если в одной из трех монографий был бы помещен очерк, посвященный становлению методологических подходов исторической имагологии с характеристикой того, что представляет собой ее научно-методологический инструментарий к настоящему времени. При этом следует отметить, что многие важные вопросы в анализе методологии историко-имагологических исследований рассмотрены во второй монографии серии в главе «Дискуссионные проблемы в изучении кросс-культурной коммуникации», написанной Т.Л. Лабутиной (с. 42–64).

Основное внимание в рецензируемой третьей монографии серии уделено рассмотрению истории межкультурных коммуникаций России с Западом и Востоком с учетом методологических подходов исторической компаративистики и исторической имагологии. Структурно книга делится на два раздела. Первый посвящен изучению теоретических проблем компаративистики и имагологии. Второй раздел объединяет кросс-культурные исследования на материале истории взаимодействия и противоборства стран Запада (США, Латинской Америки, Великобритании, Франции, Италии, Германии), Востока (Китай, Ирана) и России с акцентом на проблеме противостояния культур. Хронологически монография охватывает длительный период от раннего Средневековья до современности.

Сосредоточившись на конкретных сюжетах в анализе межкультурных коммуникаций, авторы и составители монографии отдали должное вопросам теории, оправданно поместив их в первый раздел монографии «Теоретическое осмысление проблем компаративистики и имагологии».

В главе Е.Ю. Сергеева «Теоретико-методологические проблемы имагологии международных отношений» интересно его предложение ввести в

⁶ См., в частности: *Поляков О.Ю.* Имагология в междисциплинарном научном пространстве // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4–2. С. 8–10; *Его же.* Образы и «миражи» Хуго Дезиринка (к программе Аахенской школы компаративистики) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 3 (1). С. 121–125; *Его же.* Становление и развитие категориального аппарата имагологии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 9. С. 125–134; *Его же.* Междисциплинарные стратегии исследования «другого» в современной науке (имагологический аспект) // Бытие — язык — история. Сборник научных статей. Киров, 2017. С. 132–136; *Поляков О.Ю., Полякова О.А.* Имагология: теоретико-методологические основы. Киров, 2013.

⁷ *Копосов Н.Е.* Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 141–156.

проблематику изучения истории международных отношений исследование образов и представлений народов друг о друге, чтобы имагологический анализ стал составной частью теоретико-методологического инструментария историков-международников, поскольку исторические корни современных международных конфликтов связаны не только с борьбой за политическое могущество, но представляют собой также состязание в формировании представлений об окружающей нас действительности (с. 32).

А. Буллер в главе «Чуждость как культурный феномен» вносит вклад в понимание того, на какой основе в сфере социальной жизни возникает чуждость («чуждость не является внешним качеством людей, предметов и явлений, а она есть, прежде всего, продукт *субъективного* восприятия, ибо никто нигде и никогда не делает себя «чужим», а становится таковым в глазах другого») и обращает внимание на то, что самыми сложными и трудно преодолимыми различиями являются культурные различия (с. 34). Автор также высказывает предположение, что «в условиях экономического подъема и растущего благосостояния потребности поощрять распространение «фобий», как правило, не возникает» (с. 37). При этом возникает вопрос, что же способствует усилению явно демонстрируемых современным Западом разнообразных фобий, сохраняющейся враждебности по отношению к России: это экономические трудности современных западных обществ или какие-то более глубоко укорененные причины культурного характера? Какие экономические причины вообще влияли на появление многочисленных стереотипов в западных культурах по отношению к России? Но этих вопросов автор не ставит и на них, соответственно, не отвечает.

В главе «В поисках компромисса: социальные науки на рубеже веков» С.Е. Федоров характеризует проведение междисциплинарных исследований в области фундаментальных свойств так называемых сложных адаптивных систем, которые в качестве модели используются при анализе явлений в функционировании рыночной экономики, но при этом не поясняет, какое отношение все эти вопросы имеют к проблематике межкультурной коммуникации.

Второй раздел коллективной монографии «История взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России в кросс-культурных исследованиях» состоит из 22 глав, по содержанию являющихся имагологическими очерками. В их числе 13 глав представляют собой размышления о взаимоотношениях и взаимном восприятии представителей русской и европейских культур, 3 главы-очерка рассматривают восприятие Востока русскими современниками XVIII – начала XX в., 2 главы посвящены анализу латиноамериканских культур в их реакции на политику двух крупнейших стран мира (США и СССР) и еще в 4 главах изло-

жены отдельные сюжеты, которые выстраиваются с учетом методологических подходов исторической имагологии (масонство: его идейное содержание и влияние в эпоху Просвещения; скопчество и его распространение на Востоке, Западе и в России; история «реального социализма» в ГДР; история России в парадигме эндизма).

В главе «Русская земля (Россия) в словесности скандинавских германцев IX–XIV вв.: от изустных сказаний к произведениям письменным» В.А. Антонов представил обобщенную характеристику результатов современных исследований: каким топонимом называли земли восточных славян в скандинавской словесности IX–XIV вв.

О.Ф. Кудрявцев в главе «Известия о русских землях на европейских картах XIV в.» рассмотрел сведения европейской картографии о Восточной Европе и русских землях, свидетельствующие, что об этих территориях в Западной Европе в XIV в. имели самое смутное представление, хотя при этом в Каталонском атласе 1375 г. содержится, видимо, одно из самых ранних упоминаний Сибири (под названием Seburg) в истории европейской географической науки (с. 114).

В главе «Конфессиональная идентичность: стереотипы взаимовосприятия православных, католиков (на примере Руси и Франции, XIV–XVI вв.)» М.В. Кузьмина обсуждает интересный вопрос: являлось ли формирование религиозной идентичности одним из факторов формирования этнической идентичности.

Ответственным редактором издания Т.Л. Лабутина в главе «Русско-турецкая война 1735–1739 гг. в освещении британского посла Клавдия Рондо» показывает, что уже в ходе этого военного конфликта Россия впервые получила представление о ненадежности Австрийской империи как союзника в войне. Тем не менее русская дипломатия, по сути дела, не извлекла из этого должных уроков, и далее неоднократно сталкиваясь с ненадежностью и откровенным своекорытием Австрии (в частности, в ходе наполеоновских войн, накануне Крымской войны 1853–1856 гг.). Англичан же в ходе этой русско-турецкой войны при характерном для них прагматизме, как показала Т.Л. Лабутина на примере оценок данных событий английским дипломатом, интересовало лишь, чтобы не возникло препятствий английской торговле.

В главе «Масонское братство в истории эпохи Просвещения» С.Е. Киясов характеризует масонство в его исходных принципах и обращает внимание, что до сих пор исследователями не было уделено должного внимания даже анализу базовых программных документов масонства (с. 174). Вместе с тем автор отмечает, что роль масонства велика в том, что влияние идей Просвещения в Европе быстро стало по-настоящему интернациональным (с. 179–180). Думается, что для более глубокого понимания влияния масонов на общественную жизнь следовало бы обратиться к изучению не только

программных документов, но и, в первую очередь, практики деятельности масонских лож в разных европейских странах, но как раз с источниковедческим обеспечением такой работы есть большие сложности.

О.А. Никонов в главе «Иран и иранцы глазами российских современников в первой половине XVIII в.» показал причины, почему Россия отказалась от продвижения своих интересов и экспансии на иранском направлении. В России, как пишет автор главы, мало знали о культуре Ирана, о психотипе, традициях и менталитете местных жителей (с. 204). Население Ирана жило в условиях произвола и самоуправства местных властей, особенно притеснявших национальные меньшинства (в первую очередь армян). Представители русской дипломатии никак не могли принять при ведении дел «старинный обычай преподносить бакшиш по поводу любого значимого события», поскольку шахская власть в своих действиях по управлению страной опиралась в значительной степени на выдвинутых из «подлых аульных людей, и потому ни чести, ни зазрения в том не знают» (с. 214), в такой степени, что среди российских дипломатов возобладало мнение о невозможности инкорпорировать территории Ирана в хозяйственную структуру и правовое поле Российской империи. В целом глава содержит немало интересных сведений и наблюдений, информативных для более глубокого понимания иранского общества.

В главе «Внешняя политика Екатерины II в оценке путешественника Э. Суинтона» М.А. Ковалёв показал, что британский путешественник подчеркивал заметную роль англичан на русской военной службе, позиционировал Россию как форпост Европы в борьбе с Турцией и не сомневался в европейском пути развития России, но отмечал также в истории и культуре России ряд неевропейских черт, например использование в русской армии иррегулярных подразделений, состоявших из татар, башкир, киргизов без всякой униформы, «несчастливых существ, похожих на цыган» (с. 226), но при этом считал, что империя как форма государства способна эффективно противостоять врагу (с. 230).

Л.Л. Селиванова в главе «Древнее и новое скопчество на Востоке, Западе и в России» проследила возникновение скопчества в контексте истории России середины и второй половины XVIII в., считая, что при давности этого явления и его распространённости в разных культурах скопчество в истории страны было порождено внутренними российскими условиями (с. 256).

В главе «III Отделение: взгляд на Восток. Российская общественная мысль о Востоке по документам тайной полиции Николая I (1826–1840)» С.В. Сопленков показал, как совершался в этом ведомстве сбор информации о Востоке, основывавшийся на переписке с заинтересованными корреспондентами в восточных странах, надеявшихся на помощь России, а также на перлюстрации пере-

писки внутри страны и анализе всей информации о Востоке и выходах из восточных стран, оказавшихся в России.

А.А. Орлов в главе «“Английский джентльмен” и “русский барин”»: сравнительный анализ ментальных концептов» на основе анализа английской и русской философской, мемуарной и художественной литературы, изданной преимущественно в 1830–1840-е годы, рассматривает, как принадлежность к схожему (правящему) социальному слою могла влиять на взаимовосприятие и взаимодействие представителей английской и русской аристократии. Автор сделал обстоятельный обзор бытования понятия «джентльмен» в английском общественном сознании, а также показал, что социальные реалии русского общества с сохранявшимся крепостничеством формировали в русском дворянстве свой особый социальный тип, и в русском дворянстве также прослеживалось сознательное противодействие идейно-политическому и социально-культурному влиянию Запада.

В главе «Дискурс женской красоты в русских травелогах первой половины XIX в. как способ идентификации “другого”» А.Б. Соколов характеризует особенности работы с травелогами как историческими источниками, интерпретирует историю красоты как составную часть изучения истории тела и на основе дискурсивного анализа, опираясь на письменно выраженные впечатления русских путешественников, исследует положение женщин в европейских странах в первой половине XIX в. в рамках трех видов дискурса: гендерного, социального и национального. Автор приводит немало интересных наблюдений о женщинах целого ряда европейских стран и считает, что чертой националистического мышления в XIX в. являлось как ранжирование наций, так и выстраивание предположений по отношению к женщинам в том, как воспринимались физические и душевные качества, сексуальная привлекательность женщин из разных стран (с. 339).

И.Ю. Смирнова в главе «Британо-российское противостояние во второй половине XIX в.: миссионерский аспект» привлекает внимание к интересному моменту в церковно-миссионерской деятельности англиканской церкви на территории Османской империи, когда в условиях переговоров о сближении Руской православной церкви и Церкви Англии на Востоке представители последней стали упирать на сходство англиканства и православия, намекать на возможность сближения этих церквей, как оказалось, еще и для того, чтобы потеснить на Востоке влияние православия. Представители Церкви Англии также способствовали усилению антиславянских националистических настроений среди греков, распространяли идею объединения Греческой церкви и Церкви Англии как составную часть сближения православия и англиканства. Англиканские духовные лица также действовали среди несториан, пропагандируя идею «воссоединения»

Церкви Англии и Сиро-Яковитской церкви. Так что действия англичан даже в церковной сфере, как показывает автор, фактически были частью «Большой игры», развернувшейся между Великобританией и Российской империей.

В главе «1861 г. в судьбах народов Европы и России на страницах британских периодических изданий» Т.Н. Гелла представила анализ освещения в британской печати событий, происходивших в крупнейших европейских странах в течение этого насыщенного событиями года. Как показала автор, «жизнь итальянцев, немцев, австрийцев и россиян, важнейшие события, которые происходили в их государствах в рассматриваемый период, вызвали неподдельный интерес у жителей Британских островов», а журналисты не только освещали и комментировали происходившие события, но и давали советы жителям европейских стран (с. 376, 382), что дает возможность составить представление о том, как формировался образ «другого» в британском обществе.

Е.О. Науменкова в главе «Лондон и Санкт-Петербург в сочинениях российских и английских путешественников второй половины XIX в.» привлекла значительный объем сведений, характеризующих культурную жизнь двух крупных европейских столиц, а также повседневную, бытовую сторону жизни в этих городах. Автор приходит к выводу, что англичане в большинстве своем не были впечатлены Санкт-Петербургом и воспринимали его как чиновничий, бюрократический город, построенный напоказ иностранцам. В свою очередь, русские приезжали в Лондон учиться, перенимать опыт в различных сферах жизни. Но, посмотрев достопримечательности, восхитившись техническими новшествами, русские путешественники покидали Лондон и отправлялись в более уютные Берлин и Париж (с. 408).

Глава ««Канада восточного мира»: эволюция образа Сибири на страницах британской прессы и травелогов в конце XIX — начале XX в.», написанная О.И. Галкиной, свидетельствует, что британские периодические издания не только довольно внимательно следили за тем, что происходило в Европе, но и уделяли внимание отдельным регионам Российской империи. При этом британские журналисты давали оперативную информацию, которая могла быть полезна политическим деятелям или представителям бизнеса. Авторы же путевых заметок стремились представить читателю образ повседневной жизни в Сибири с колоритными подробностями. С началом строительства Транссибирской железной дороги в Великобритании, как показывает автор, стали осознать инвестиционную привлекательность Сибири (с. 420—421).

Н.С. Иванов в главе «Антиамериканизм в России и Латинской Америке (конец XIX — начало XX в.)» отмечает, что уже во второй половине XIX в. многие представители русской общественной мысли и мыслители из латиноамериканских стран об-

ратили внимание на хищническую природу государственной политики Северо-Американских Соединенных Штатов, показывая, что эта политика ведет к планетарному саморуйствову посредством истощения ресурсов, загрязнения окружающей среды, экономического и военного геноцида по отношению к народам мира, эксплуатации, коррупции, уничтожения большинства человечества во имя социального неодавинизма (с. 456—457).

В главе «Финансовая миссия американца У. Моргана Шустера в Иране глазами российских современников» А.Б. Ларин обращает внимание на то, что интересный и важный материал для имагологических исследований дают сведения, связанные с присутствием русских и британцев в Иране в XIX — начале XX в. На основе рассмотрения частного по характеру сюжета — деятельность в Иране в 1911 г. американского финансиста, приглашенного тегеранским правительством, — автор развернул интересный имагологический анализ, показывающий, что на борьбу за экономическое и политическое влияние в Иране между «великими державами» влияли сказывавшиеся на общении даже между дипломатами стереотипы, фобии и филии, присущие взаимному восприятию друг друга русскими, англичанами и американцами. Сочетание методики case-study с имагологическим подходом в данном случае дало возможность увидеть новые компоненты и смыслы в проанализированной автором истории.

Д.И. Портнягин и Н.А. Портнягина в главе «Они должны объединиться и поддерживать правительство в его усилиях выполнить задачу: британские дипломаты о политических партиях России (1905—1907)» отмечают, что британская дипломатия в революционные годы пристально следила за политической обстановкой в России. Обращает на себя внимание то, что, наряду с использованием научной литературы, авторы привлекли к исследованию значительный объем неопубликованных материалов из британских архивов. В главе показано, как британские дипломаты собирали информацию о динамике политической жизни в России, как они работали со своими информаторами: их круг общения был довольно широк, вплоть до встреч британского посла с председателем Совета министров П.А. Столыпиным.

В главе ««Другие», но «Свои»: Бельгия и Франция в зеркале российской печати военных лет (1914—1917)» И.Р. Чикалова представила результаты собственной работы по анализу весьма значительного объема публикаций военного времени, посвященных осуждению агрессии Германии против Бельгии и Франции и формировавших сочувственное отношение к народам обеих стран. Российские деятели культуры, акцентирует автор, создавали образ Бельгии и ее народа, проявившего силу и храбрость в неравном единоборстве, как символ мужества и сопротивления. Журналистские публикации способствовали и росту симпатий к Франции: «Это

было чувство людей, которые сопереживали французскому народу в связи с несчастьями, выпавшими на его долю из-за вторжения врага» (с. 525). Автор показывает и событийную сторону происходившего, особенно точно — реакции, настроения, эмоциональный фон в восприятии событий военных лет современниками, наполняя изложение колоритными подробностями и пронизательными оценками. Тем самым она углубляет представления современной исторической науки о том, как в начале Первой мировой войны воспринималась трагедия Бельгии и Франции в сознании российского общества.

Н.С. Иванов еще в одной главе «Влияние Великой Победы советского народа на Латинскую Америку (1946–1948)» обратился к рассмотрению важного вопроса о влиянии победы СССР во Второй мировой войне на общественное сознание и политическую ситуацию в Латинской Америке. Анализ политической жизни и политических настроений в Латинской Америке с широко распространенным в этом регионе антиамериканизмом важен и актуален и в исторической ретроспективе, и для проведения внешней политики Российской Федерации на современном этапе. В складывающейся сегодня в некоторых странах Центральной и Южной Америки политической ситуации есть значительный потенциал для наращивания влияния российской дипломатии. По оценке автора, Великая Победа советского народа дала мощный импульс левому радикализму, прогрессивному национал-реформизму в Латинской Америке, способствовала возникновению там мощного антиимпериалистического движения в последующее время (с. 545).

В главе «История реального социализма в “цветях ГДР” в оценках историков и политологов» Б.В. Петелин обращается к анализу драмы крушения восточноевропейского социализма на примере ГДР и справедливо отмечает, что у социалистического восточногерманского государства был потенциал успешного развития, продемонстрированный в целом ряде экономических и социальных достижений. ГДР не превзошла по своим экономическим показателям экономику ФРГ. Но ведь следует иметь в виду, если смотреть на происходившее в более широкой исторической ретроспективе, что отставание Восточной Европы от Западной Европы, в том числе восточногерманских земель, стало проявляться уже в раннее Новое время в XVI–XVII вв. Так что 40-летнее существование социализма на восточногерманской земле, надо учитывать, не успело полностью преодолеть действие этого многовекового по продолжительности тренда. Между тем Запад стремился коллективными усилиями превратить ФРГ в витрину капиталистического образа жизни. В настоящее же время, как обращает внимание автор, у Запада вообще нет модели экономического развития, которую он мог бы предложить бедным странам (это даже вне повестки дня), и в самих восточноевропейских странах в общественную жизнь вернулись безработица и бедность (с. 550). Вспо-

миная слова руководителя восточногерманских коммунистов Эриха Хонеккера, автор выражает надежду, что коммунизм не умер, он лишь проиграл одну битву (с. 559).

Крупный отечественный историк, недавно ушедший из жизни, В.Л. Мальков (1930–2021) в главе «Россия в парадигме эндизма. Могло ли быть иначе?» обращается к рассмотрению остроактуальных проблем развития современного мира и России. Очень важно, по мнению автора, что в современной российской истории не реализовался сценарий эндизма и России не удалось исключить из цивилизационного потока и прервать дальнейшее суверенное развитие страны. В.Л. Мальков также убедительно критикует один из тенденциозных тезисов эндизма о том, что 70 лет советского «эксперимента» были «выпадением из истории» (с. 561–569). Он видит заметный потенциал в дальнейшем развитии российской экономики, науки и культуры, обобщив свою позицию тем, что озаглавил заключительную часть своей статьи подзаголовком «Точку ставить рано» (с. 570–580).

В целом знакомство с коллективной монографией убеждает, что в отечественной исторической науке продолжает идти процесс освоения методологических подходов исторической имагологии, приносящий заметные научные результаты.

Библиография

- Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1986.
- Буллер А. Восприятие «другого»/«чужого» в культурном пространстве между Россией и Западом. Рец. на книгу: «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и Востока / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2019 // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 246–250.
- Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005.
- Поляков О.Ю. Имагология в междисциплинарном научном пространстве // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4–2. С. 8–10.
- Поляков О.Ю., Полякова О.А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров, 2013.
- Поляков О.Ю. Междисциплинарные стратегии исследования «другого» в современной науке (имагологический аспект) // Бытие — язык — история. Сборник научных статей. Киров, 2017. С. 132–136.
- Поляков О.Ю. Образы и «миражи» Хуго Дизеринка (к программе Аахенской школы компаративистики) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 3 (1). С. 121–125.
- Поляков О.Ю. Становление и развитие категориального аппарата имагологии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 9. С. 125–134.
- «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и Востока / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2019.
- «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России (к юбилею Виктора Леонидовича Малькова) / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2020.
- Смирнова И.Ю. Современная проблематика исторической имагологии в контексте международных отношений. Рец. на книгу: «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России (к юбилею Виктора Леонидовича Малькова) / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2020 // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 231–235.

Соколов А.С. В центре внимания — межкультурные коммуникации // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2020. Вып. 72. С. 418—421.

Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, 1983.

Leerssen J. *Imagology: History and Method* // *Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey* / eds M. Beller, J. Leerssen. *Studia Imagologica. Amsterdam Studies of Cultural Identity* 13. Amsterdam; New York, 2007. P. 17—18.

The Invention of Tradition / eds E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983.

References

Blok M. *Apologiya istorii, ili remeslo istorika* [The Apology of history, or the craft of a historian]. Moskva, 1986. (In Russ.)

Buller A. *Vospriyatiye "drugogo" / "chuzhogo" v kul'turnom prostranstve mezhdru Rossiiy i Zapadom*. Rets. na knigu: "Svoy" / "Chuzhoy" v kross-kul'turnykh kommunikatsiyakh stran Zapada i Vostoka [Perception of the "Other" / "Alien" in the cultural space between Russia and the West. Reference to the book: "Own" / "Alien" in cross-cultural communications of the countries of the West and East] / otv. red. T.L. Labutina. SPb., 2019 // *Novaya i Novejshaya Istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2021. № 1. S. 246—250. (In Russ.)

Koposov N.Ye. *Khvatit ubivat' koshek! Kritika sotsial'nykh nauk* [Stop killing cats! Criticism of Social Sciences]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Polyakov O.Yu. *Imagologiya v mezhdistitsiplinarnom nauchnom prostranstve* [Imagology in an interdisciplinary scientific space] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities]. 2008. № 4—2. S. 8—10. (In Russ.)

Polyakov O.Yu., Polyakova O.A. *Imagologiya: teoretiko-metodologicheskiye osnovy* [Imagology: theoretical and methodological foundations]. Kirov, 2013. (In Russ.)

Polyakov O.Yu. *Mezhdistitsiplinarnyye strategii issledovaniya "drugogo" v sovremennoy nauke (imagologicheskii aspekt)* [Interdisciplinary strategies for the study of the "other" in modern science (imagological aspect)] // *Bytiye — yazyk — istoriya. Sbornik nauchnykh statey* [Being — language — history. Collection of scientific articles]. Kirov, 2017. S. 132—136. (In Russ.)

Polyakov O.Yu. *Obrazy i "mirazhi"* Khugo Dizerinka (k programme Aakhenskoy shkoly komparativistiki) [Images and "mirages" by Hugo Dizerink (to the program of the Aachen

School of Comparative Studies)] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities]. 2013. № 3 (1). S. 121—125. (In Russ.)

Polyakov O.Yu. *Stanovleniye i razvitiye kategorial'nogo apparata imagologii* [Formation and development of the categorial apparatus of imagology] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities]. 2014. № 9. S. 125—134. (In Russ.)

"Svoy" / "Chuzhoy" v kross-kul'turnykh kommunikatsiyakh stran Zapada i Vostoka ["Own" / "Alien" in cross-cultural communications of the countries of the West and East] / otv. red. T.L. Labutina. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

"Svoi" i "Drugie". *Vzaimodeystviye i vospriyatiye kul'tur Zapada i Rossii* (k yubileyu Viktora Leonidovicha Mal'kova) ["Own" and "Others". Interaction and perception of Western and Russian cultures (to the anniversary of Viktor Leonidovich Malkov)] / otv. red. T.L. Labutina. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)

Smirnova I.Yu. *Sovremennaya problematika istoricheskoy imagologii v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy*. Rets. na knigu: "Svoi" i "Drugie". *Vzaimodeystviye i vospriyatiyekul'tur Zapada i Rossii* (k yubileyu Viktora Leonidovicha Mal'kova) [Modern problems of historical imagology in the context of international relations. Reference to the book: "Own" and "Others". Interaction and perception of cultures of the West and Russia (to the anniversary of Viktor Leonidovich Malkov)] / otv. red. T.L. Labutina. SPb., 2020 // *Novaya i Novejshaya Istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 231—235. (In Russ.)

Sokolov A.S. *V tsentre vnimaniya — mezhkul'turnyye kommunikatsii* [In the center of attention — intercultural communication] // *Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noy istorii* [Dialogue with Time: An Almanac of Intellectual History]. 2020. Vyp. 72. S. 418—421. (In Russ.)

Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, 1983.

Leerssen J. *Imagology: History and Method* // *Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey* / eds M. Beller, J. Leerssen. *Studia Imagologica. Amsterdam Studies of Cultural Identity* 13. Amsterdam; New York, 2007. P. 17—18.

The Invention of Tradition / eds E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983.